Зяблики в латах

Автор:
Георгий Венус

Зяблики в латах

Георгий Давыдович Венус

Офицерский роман. Честь имею

Георгий Давыдович Венус (1898–1939) родился в Петербурге в семье потомка немцев-литейщиков, приглашенных в Россию еще Петром I. В Первую мировую войну прапорщик Венус был дважды ранен и награжден Георгиевским крестом. Ужас революции вынудил его, как и многих соотечественников, бежать на юг и вступить в ряды Добровольческой армии. Дроздовский добровольческий офицерский полк, в который он попал, прославился своей храбростью на полях сражений Дона и Крыма. В 1926 году, уже в эмиграции, Георгий Венус и написал этот роман по воспоминаниям о тех событиях.

Георгий Венус

Зяблики в латах

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Часть первая

(июнь 1919 – ноябрь 1919)

…Прошло еще несколько дней. На северную окраину Харькова со стороны Сумского шоссе налетели казаки, обошедшие расположение красных. Потом казаки вновь скрылись, и несколько дней в городе было тихо.

Но вот пали Изюм и Змиев. Над городом появились аэропланы белых. Бесконечные обозы потянулись по улицам.

11 июня обозы запрудили все переулки. 12-го под утро, когда под Харьковом загудела артиллерия, они метнулись к северу, а к полудню того же дня в Харьков вошли добровольцы.

Выступление из Харькова

– И повезло же вам, прапорщик!

– А в чем?

– В том, что вы не попали в офицерскую роту, в наш, так сказать, дисциплинарный…

Мой отделенный, прапорщик Дябин, быстро докуривал.

– Сейчас двинемся… Увидите, как через день гнать их будем. Эхма!.. Поддавай пару!..

Два батальона 2-го офицерского имени генерала Дроздовского полка выступали из Харькова.

Я был зачислен в 4-й взвод 4-й роты, которой командовал капитан Иванов, немолодой офицер с холеной черной бородкой. Когда, прибыв в роту, я думал подойти к нему и представиться, мой взводный, поручик Барабаш, меня

остановил:

– Прапорщик, забудьте, что вы офицер. У нас чужими руками жар не загребают. Повоюйте-ка на положении рядового. Потом иначе говорить будем. А пока идите и прочистите винтовку.

Кажется, я даже вспыхнул:

– Мне, поручик, напоминать об этом не нужно.

Я подошел к козлам, поднял винтовку и вынул затвор.

Затвор блестел.

В 4-м взводе на положении рядовых было кроме меня еще несколько вновь поступивших офицеров. Мы еще не имели права носить форму Дроздовского полка – малиновые бархатные погоны и фуражку с малиновой же тульей и белым околышем; старые офицеры, особенно Румынского похода, нас как-то не замечали, и мы чувствовали себя не совсем на месте. В казарме мы жались возле стен. Играли в углах в карты. Но вот игральные карты легли на самое дно вещевых мешков. На выбеленных стенах остались надписи. Всякие. От лирических до трехэтажных…

– Молодэньки яки!.. – вздыхала у ворот женщина в рыжем платочке. – А яки с их…

Дальше мы не слыхали. Батальоны грянули песню.

* * *

…Над городом палило солнце.

– Скорей бы в вагоны. Жарко!.. – терял терпение прапорщик Дябин.

Прапорщик Морозов, мой сосед в строю, вытирал с лица черный от грязи пот.

– Ну и солнце, господи! – И вдруг, улыбаясь, он поднял лицо кверху.

Прапорщик Морозов, студент Харьковского университета, призванный во время войны, поступил в Дроздовский полк тоже только в Харькове. У него были голубые глаза, на которых тяжелыми складками лежали густые русые брови. Под тяжестью этих бровей глаза его казались глубокими и суровыми. Но теперь, когда, улыбаясь, он поднял их на окна, сплошь усеянные любопытными, они стали вдруг большими и восторженными.

– Коля, пиши!.. – Его провожала жена. – Коля, милый… – Она приколола к его фуражке белую розу. – Милый… Мой милый воин! – Потом, отойдя на несколько шагов, остановилась, любовно оглядывая его с головы до тяжелых солдатских сапог. – Возьмите, прапорщик, и вы… Пожалуйста! – уже мне сказала она, протягивая вторую розу.

Я воткнул розу в ствол винтовки.

– Смир-р-на! – скомандовал вдруг капитан Иванов, сразу же оборвав наши разговоры. – На пле-чо! Шагом марш!

Первыми от нас отскочили мальчишки, за три дня расплодившиеся продавцы цветов. Жена прапорщика Морозова замахала платком. Побежала за взводом. «Ура», – загудела разодетая толпа, густой стеной двинувшись вслед за нами. В толпе я увидел нашего соседа, студента Девине, бывшего начканснабдива, еще недавно носившего на груди большую красную звезду. Девине, спотыкаясь, тоже бросился за ротами. За ним, размахивая поднятой рукой, бежал мой только что подоспевший дядя. Пенсне дяди блестело на солнце. Рот его был открыт. Очевидно, дядя также кричал «ура». Я улыбнулся.

* * *

– Сегодня я отдал приказ идти на Москву! – объявил за день перед этим с Павловской площади генерал Деникин.

– На Москву!

– На Москву!

– Спаса-ай-те Москву-у! – кричала обступившая нас толпа, бросая в воздух цветы и белые платочки.

Батальон подходил к вокзалу…

– Первая рота… Вторая…

– Первый вагон… Третий… – уже на перроне кричали ротные и взводные.

Железнодорожники встретили нас хмуро. Смазывая колеса, они исподлобья переглядывались и, кажется, ворчали.

* * *

…Вдоль полотна бежал дым, – назад, все назад… Сквозь дым я видел, как бегут мельницы. Те, что около путей, бежали от нас. Что дальше, на горизонте, – с нами.

– А куда этот путь?

– На Готню, кажется.

Прапорщик Морозов лежал на полу. Роза над его кокардой качалась в такт бегущих колес.

– Прапорщик Морозов!..

– Ну?

– Прапорщик Морозов… Как у вас… Черт возьми, как хорошо у вас на Украине!

– Да, хорошо… – И, не вставая с пола, прапорщик Морозов протянул руку и шире раздвинул дверь.

Мельницы за дверью все быстрее махали крыльями. Перед дверью, верхом на скатках шинелей, сидели вольноопределяющиеся Нартов и Свечников.

– Ну а скажите, как они?.. Упорно сопротивляются?

Нартов, бывалый доброволец, казалось, не был расположен к разговорам.

– Когда как…

– В конце концов это все равно! – Свечников сдвинул со лба гимназическую фуражку, вынул новый кожаный портсигар и закурил. – Как бы ни сопротивлялись, а к осени мы будем в Москве. – Он затянулся, но вдруг покраснел и закашлялся.

Курить он еще не умел.

За Свечниковым, ни с кем не вступая в разговоры, лежал бородатый вольноопределяющийся Ладин, мобилизованный на улице Харькова.

Кажется, с первого дня пребывания в полку Ладин еще не сказал ни одного слова.

– Лежит, как глыба, молчит, как рыба, – склоняясь над ним, шутил унтер-офицер Филатов, полуинтеллигент, любивший удивлять солдат рифмованной речью. Солдаты засмеялись. Звонче всех засмеялся Миша, шестнадцатилетний кадет-доброволец, первый весельчак в роте.

В заднем углу теплушки вполголоса пели.

– Ура! Дрозды!..

– Дроздовцы приехали! – так встретил нас сводно-стрелковый полк, когда наш эшелон подошел к какой-то маленькой, затерянной в степи станции.

– Ну, раз дрозды прилетели!..

– Дрозды уж заклюют!..

– Теперь вперед, значит…

Мы уже вышли на платформу и строились вдоль вагонов.

* * *

– На Грайворон, очевидно, – сказал прапорщик Морозов, когда роты двинулись вдоль широкой пыльной дороги.

Белые халупы, прячась в садах, ласково дымили в небо. Из халуп выходили крестьяне. Они провожали нас бесцветными, вылинялыми глазами и упорно молчали. Бабы около заборов вполголоса причитали.

– Мы идем на юго-запад, а Грайворон к северу будет…

– Вы правы. – На мгновение прапорщик Морозов потерял шаг. – Пожалуй, выйдем на Богодухов. Но вот не понимаю я в таком случае, отчего мы не пошли по линии на Сумы?

– Маневры, господа, – обернувшись к нам, сказал прапорщик Дябин. – Мы, добровольцы, маневрами побеждаем… Здесь выйдем, там срежем, тут отбросим и стопчем. Ведь не силою берем. До сих пор по крайней мере не силою же брали.

– Духом… – пробасил Свечников.

Горизонт чернел.

Войдя в интервалы между 2-м и 3-м взводом, запевалы ухарски заломили фуражки.

– Ну, а чего петь-то будем?..

Хлестал дождь…

Мы жи-ве-ем среди по-о-ле-ей, –

высокими голосами играли запевалы, –

И ле-со-ов дрему-у-у-у-чих,

Но счаст-ли-вей, ве-се-лей

Всех вель-мо-ож могу-у-у-чих!..

Эй, дроздовцы, эй, дроздовцы, – подхватывала рота, –

Жи-во, жи-во, живо, ве-се-ле-ей!

Ей!

Живо, жи-во,

Живо, ве-се-лей!..

Дорога вилась и кружилась.

– Правое плечо вперед… Марш!..

И, сойдя с дороги, мы взяли напрямик и через зреющую рожь пошли к какой-то далекой деревне.

Первые бои

Мокрая густая темнота ползла по кустам…

– Курить в кулак! Не зажигать спичек! Прикуривай друг у друга!..

Совсем близко от нас шел бой. 1-, 2- и 3-я рота наступали на Богодухов.

– Заварилось… Только сейчас, господа, заварилось по-настоящему!.. – Нартов сидел на корточках и запихивал травою дыру в сапоге. Над Нартовым стоял Свечников. Он дрожал мелкой дрожью. С козырька его фуражки стекала вода.

– Эх, дрозды, дрозды! – ворчал прапорщик Дябин, прислушиваясь к гулу красной артиллерии. – Зазнались дрозды!.. Без батарей… С одними винтовками вышли… Так и споткнуться не трудно… Черт!.. Море нам по колена!..

Он сплюнул.

Дождь бил по листьям, выбивая барабанную дробь. Нартов присвистывал.

– Ничего, ничего!.. Не в первый… Не спотыкаться, не бегать… Выбежим!

Через минуту нас построили.

* * *

…Под ногами хлюпала вода.

– Держи интервалы!.. Цепь спокойней!.. Цепь – черт дери! Держи интервалы!

Капитан Иванов вводил роту в прорыв между 2-й и 3-й, которые медленно отступали от Богодухова. 4-й взвод, еще не привыкший к боям, шел, ломая равнение, крутыми зигзагами.

– Не пригибаться! Не пригибаться, трусы! – кричал капитан Иванов, следуя за ротой с наганом в руке. – Цепь. Диким вихрем над головой взвизгнули первые пули. Кто-то вскрикнул и упал.

– Вот они! Вот! – закричал Свечников. – Обходят!..

– Не ори! – Нартов грыз семечки, а потому шамкал, как беззубая старуха.

– Не ори, дурак!.. Наши это… Во-ин!..

Было темно. Темнота под пулями визжала. Дождь бил в спину.

Наконец 2-я и 3-я роты поравнялись с нами. Мы также стали отходить.

* * *

…Отступая, мы отстреливались.

– Спокойней! Так! Так! Еще спокойней! – сдерживал 2-е отделение прапорщик Дябин. – Следите, прапорщик. – Он подошел ко мне. – Ну и бьют же! Следите…

И вдруг глаза мои чем-то захлестнуло, и чья-то винтовка, ударив меня в локоть, полетела мне под ноги….Черные силуэты солдат шли пригибаясь.

– Отделение, слушать мою команду! – кричал я, снимая наган с прапорщика Дябина.

Верхняя часть его черепа была снесена.

* * *

Все больше и больше снижались пули. Нартов ворчал. Шел угрюмым шагом, опустив винтовку штыком до самой земли. По нем равнялась вся цепь. Я был обрызган кровью и мозгами отделенного. Вытирая лицо рукавом, быстро пригибал голову, самого же себя обманывая: «Ну конечно, не трушу… Пригибаюсь?.. Ну конечно!.. Но кровь…»

– Эй, не бежать!..

Из-под обстрела красных мы вышли только через полчаса.

Дождь больше не падал. Из-за туч выгрызалась луна.

Замыв пятна крови и мозги, я повесил гимнастерку на ротной кухне и медленно шел к бараку какой-то экономии сахарозаводчика Кенига, в которой на ночь был

расположен наш батальон.

Под стеной барака сидело несколько солдат 2-й роты.

– А черт их разберет, хохлов этих!.. Молчат и слова не скажут… – говорил маленький рыжий солдат с запрокинутым вверх носом. – В городах, там подходяще встречают, это верно, а эти вот – волками глядят… Ну – и не поймешь, рады ли, нет ли…

– А чему радоваться?..

– Ты, слушай, язык подвяжи!.. – угрюмо вставил третий солдат. – Не у красных…

Разговор оборвался.

– Гляди, пленного ведут. Ишь, длиннорылый! Наш это, из кацапов будет!

Из штаба батальона вели пленного ординарца, в темноте подъехавшего к нашей цепи.

Пленный шел, опустив голову, и угрюмо смотрел на дорогу.

Через минуту за бараком раздался выстрел.

* * *

«Пойду за гимнастеркой – и спать!» – решил я, соскакивая с забора.

Прапорщик Морозов сидел возле кухни, держал между коленями котелок и деревянной ложкой хлебал черный густой кофе.

– Мне, прапорщик, кажется… – начал было он, но вдруг почему-то вновь замолчал. – Хотите?

Я сел рядом с ним и взял котелок и ложку.

Опять стал накрапывать дождь. Прапорщик Морозов поднял голову и снял фуражку. Увидя над кокардой смятый стебелек уже осыпавшейся розы, он отцепил его и бросил на землю.

– Знаете, о чем я думаю, прапорщик? – спросил он, помолчав. – Думаю, вот, отчего с прицела двенадцать, десять, восемь, или с шести хотя бы стрелять, очевидно, легче, чем в упор…

– То есть как это?

– Да так… – И прапорщик Морозов замолчал.

В темноте за бараком вновь раздались три выстрела. Кашевар над котлом быстро поднял голову:

– И завсегда так! – сказал он, всыпая в котел красные бураки. – Как малость не повезет – всех расстреливают. Эх, и борщ будет!..

Я взял гимнастерку и пошел в барак.

Длинный ряд нар убегал в темноту. На них лежали солдаты, друг возле друга.

С трудом отыскав место, я разостлал шинель и снял сапоги.

«Надо высушить… Завтра утром опять на Богодухов. Ноги запреют…»

Вода с толстых английских носков ручьем текла на пол. Потом стала падать каплями. Реже… Еще реже…

Я положил сапоги к голове, носки – на голенища и закрыл глаза. Влажный холод шинели сочился сквозь гимнастерку. «Чем?.. Черт возьми, да чем это знакомым таким пахнет моя мокрая шинель?» Я стал вспоминать.

И вот в грязном бараке, в темноте, вдруг под электрической лампочкой в пять свечей, что когда-то горела в нашей кухне, увидел я лохань и в ней Топсика, нашу комнатную собачку. Топсика мыли, а он, мокрый, – уже не лохматый, как всегда, а гладкий и блестящий, – покорно стоял в лохани и тряс рыжей шерстью.

Вот так же (вспомнил!), так же вот пахла его мокрая, рыжая шерсть…

«Топсик, хочешь сахару? Топсик, нельзя!.. А ну – раз, два, три! – можно!..»

Я ворочался, толкая Филатова, моего соседа.

«Заснешь ли, черт дери, когда довспоминался до дома, до Топсика, до сахара, до… до…»

– Дьявол!

Я вновь поднялся и стал смотреть в темноту.

Темнота, грузная и тяжелая, лежала в бараке мохнатой спиной до самого потолка. «И солидно же строил этот Ке-ниг!..» Барак вмещал весь батальон: наша, 3-я, 2-я и, наконец, совсем впереди, 1-я рота.

Кто-то у противоположной стены зажег свечу.

«Пойти побеседовать? Сна все равно нет».

Ступая босыми ногами по жидкой, холодной грязи, я пошел на свет.

* * *

На нарах, по-турецки поджав ноги, сидели подпоручик Сычевой и прапорщик Юдин, – первой роты. Они пили коньяк – прямо стаканами. Глаза подпоручика были прищурены. В русой бороде путался свет свечи. Юдин, офицер послабее, был уже пьян. Он быстро шевелил губами, пытаясь поймать край стакана, но стакан в его руке качался и выплывал из-под губ. Юдин целовал воздух. Сердился.

– Добрый вечер, господа.

– Садитесь, прапорщик, пейте. Коньяк, скажу я вам! Три глотка, и с каблуков долой. Ей-богу!

Мне было холодно. «Согреться, что ли?» Я выпил залпом полстакана. Теплота потекла по телу. Дошла до пальцев застывших ног. Я сел на нары, пытаясь пальцами ног поднять с пола соломинку.

– А по какому случаю, господа, первая сегодня угощает?

– Без всякого. Вам всё по да по… «Попо» – по-немецки… Впрочем, вы и сами знаете, – ведь из немцев, кажется? А ну, налить?

Я отказался.

– Вот папиросу, если не промокли.

Подпоручик Сычевой вынул небольшой серебряный портсигар, и я заметил на нем след осекшейся пули.

– Здорово отскочила! Когда это? А?

– Если б раз, я бы не хвастался. – Подпоручик Сычевой гордо щелкнул о портсигар пальцем. – Кого молитва, а кого эта вот штука спасает… Верно, хоть и не убедительно!.. Мой талисман…

* * *

На потолок сквозь открытые ворота барака вползал желтый свет зари. Батальон еще спал.

«Отчего не подымают?» – Я сел и потянулся за сапогами. Но на соломе дырявыми пятками кверху лежали одни носки.

– Дежурный!

– В четвертой роте за время дежурства происшествий никаких не случилось…

– Спал, сонное твое рыло? Где сапоги? Где, говорю, са-по-ги?

Дежурный тыкался под все нары. Перебирал грязные и порыжелые, протлевшие насквозь портянки. Даже разбудил почему-то одного из солдат, Степуна, самого порядочного и честного.

– Где сапоги господина прапорщика?

Тот бессвязно замычал. Поднял голову и тупо заморгал глазами. Потом вновь упал на нары и захрапел.

– Ищи! Давай сапоги! Где сапоги?

Но в это время в барак вбежал связной батальонного:

– Подыма-ай!

– Четвертая рота, вставай! – закричал, отбегая от меня, дежурный.

– Третья, вставай! – подхватил дежурный соседней роты.

– Вторая…

– Пер-ва-я…

Было уже не до сапог.

* * *

Я стоял на правом фланге отделения в толстых серых носках, из дыр которых торчали грязные пальцы.

– Ничего, господин прапорщик, – успокаивал меня фланговой, всегда веселый и находчивый Миша. – С первого убитого снимете. Я бы вам свои дал, да нога у меня, как у девочки, маленькая.

– Сми-р-на! Равнение – на-право. Господа офицеры!

На дороге показался капитан Туркул, наш батальонный.

Усмехаясь в густые черные усы, он браво сидел на коне, за которым, медленно переставляя кривые лапы, следовал его бульдог – разжиревшая в заду сука.

– Вот что, ребята, – сказал батальонный, придерживая лошадь. – Сегодня мы вновь наступаем. Уж вы постарайтесь. Чтоб им ни дна, ни покрышки – красным!..

«Заметит или нет?» – думал я, косясь на полубосые ноги. Но капитан Туркул ничего не заметил.

– Ведите! – сказал он командирам рот. – По отделениям…

* * *

Полдень. Наша рота, рассыпанная в цепь, двигалась по полю. Мои ноги были в крови. Носки болтались рваными тряпками. Я шел прихрамывая.

Слева от нас двигалась третья рота. Справа – пятая. Очевидно, оба батальона шли в цепи. По всему полю были рассыпаны конные – связные и ординарцы. На горе перед нами, на расстоянии двух-трех верст, виднелся Богодухов. Очевидно, город когда-то был богомольным. В городе было много церквей. Самих церквей не было еще видно. Их белая окраска тонула в волнах голубого теплого воздуха, но круглые купола, точно шары, подвешенные под небо, ловили лучи солнца – сверкали и блестели…

Стрельбы не было.

Высоко в небе кружился ястреб. Суживал и суживал круги. Я запрокинул голову, наблюдая за его полетом. Вдруг голова быстро нырнула в плечи. Над ней пролетел сноп звенящих пуль.

– Цепь, стой! – скомандовал ротный.

* * *

Пули летели высоко. Поражения еще не было. Я чувствовал боль в ногах. Мне казалось, по ступням, повернутым к солнцу, сотнями бегают муравьи. Я повернулся с живота на бок, подогнул ближе к себе колени и лежал так, полуоткрытым с обеих сторон, перочинным ножиком. Потом достал носовой платок, плюнул и стал вытирать кровь между пальцами.

– Прицел десять! – в кулак, как в рупор, закричал командир роты.

– Десять! – повторил поручик Барабаш.

– Десять! – крикнул за ним я, бросая платок и вновь заряжая винтовку.

Позиция красных была обнаружена. Она тянулась за картофельным полем, вдоль узкой, заросшей травой канавки. Но и красные опустили прицел. Двоих из нашей роты ранило. Один уже уползал в тыл, быстро, как плавающая собака, перебирая руками. Дальше, в кустах картофеля, другой, обняв колени, качался, как «ванька-встанька», и высоко, по-бабьи кричал.

– Прицел восемь! – командовал ротный.

* * *

С новой силой заработали пулеметы. Над канавкой, где залегли красные, заплясала бурая пыль.

– Господин прапорщик! Сейчас, сейчас драпнут! – закричал Миша. – Ну и бьют пулеметчики!.. – Он выполз вперед и, приподнявшись на локтях, стал смотреть перед собой. Вдруг круто, по-кошачьи, выгнул спину, на минуту так, мостом, застыл и грузно рухнул. Его фуражка полетела на землю. Вот еще раз взлетела она в воздух. Козырек, отскочив, полетел в сторону. И снова, в третий раз, взлетела фуражка. Ну и черт!.. Здорово!.. Какой-то далекий пулемет играл ею, как мячиком.

«…Нога у Миши… Нет!.. Не подойдут…» – думал я, вновь пряча ступни от солнца. Потом вновь поднял голову.

Лежащих солдат я не видел. Видел лишь сапоги, каблуками ко мне, над ними – края фуражек.

* * *

…Соседняя 5-я рота далеко перебежала вперед. Потеряла с нами живую связь. Сейчас или поможет нам, открыв по участку красных фланговый огонь, или сама будет с фланга обстреляна. Тогда – беда!.. Но капитан Туркул уже подтянул правый фланг нашей роты.

– Бегут! Бегут! – закричал Нартов.

Мы вскочили и пошли, вскидывая на плечо винтовки.

Миша лежал, уткнувшись лицом в землю, скрючив под собой руки… Мимо!..

Уже и левый фланг серпом зашел вперед. Нужно ускорить шаг… Кажется, левый фланг даже тронул город.

– Цепь, бегом!

Мы побежали.

– Ура! – кричала рота. – Ура-а-а!

Я бежал, хромая и подпрыгивая. Споткнулся о брошенную на землю винтовку, упал…

– Ур-а-а-а! – гудело надо мной. Над головой мелькнула пара чьих-то сапог. Я опять вскочил.

– Четвертая, не отставай!.. Четвертая! – кричал капитан Иванов.

…Вот и канава. В ней – куча пустых гильз. Обоймы. Брошенный раненый корчился, как червь под лопатой.

Снять?..

Я схватил его за ноги, но он дико закричал, вскинув руки в небо. Я бросил его и вновь побежал. Последним в цепи…

Бежал, хромая.

Эти проклятые ноги!..

* * *

Под самым городом мы наконец замедлили шаг. На окраине остановились.

Горячий от солнца штык обжигал лицо и руки. Но я не подымал головы. Не отнимал рук от штыка. Стоял, прислонившись к винтовке, медленно подымая то одну, то другую ногу… Ноги горели.

На белых стенах халупы виднелись следы наших пуль – серо-зеленые пятна. Из них сыпалась сухая глина. Выше, в тени, под самыми крышами, расползались подтеки. Еще не подсохло. Окна халуп были забиты ставнями. Одно окно – убогого крайнего домика – было разбито. На подоконнике лежали черепки цветочного горшка и комочек сухой земли. Под окнами, корнями вверх, валялся сломанный кустик фуксии. Под забором возле канавы издыхала лошадь. Она лежала на спине, подняв кверху неподвижные ноги. Ноги торчали, как оглобли брошенной рядом подводы. Лишь одна нога, передняя, еще дергалась. Била копытом воздух. Дальше, в глубь улицы, под покосившимся фонарем, лежал убитый. На спине его, как горб, вздувалась гимнастерка.

«Вот наконец обуюсь!» – подумал я.

Подошел.

Черт! Он был уже без сапог…

Вечером я пошел к штабу полка.

– Идите в комендантскую! – сказал мне адъютант.

На дворе комендантской команды лежали убитые. Плечом к плечу. Их было немного – человек пятнадцать. Миша, как и у меня в отделении, лежал на фланге. Его волосы были взъерошены. Одна прядь, черная от запекшейся крови, падала на лоб. Миша держал указательный палец кверху. Точно слушал что-то…

– Вот, прапорщик, пригоните себе обувь! – сказал мне адъютант.

…Ноги. Еще ноги. Много, много ног. В сапогах и без. Грязные, запыленные…

Я пытливо присматривался: которые сапоги на мою ногу?

Наконец подошел к одному из убитых. Лица его я не видел. Оно было прикрыто соломой. Я взял его за ногу. (Какая тяжелая нога!) Сапоги слезали туго. Нога уже остыла и в ступне не сгибалась.

– А ну, сильней! Сильнее! – подбадривал меня адъютант.

Я рванул со всей силой. Сапог слетел с ноги. Убитый подался вперед. С лица его сползла грязная, пропитанная кровью солома. Я увидел клочок бороды, пол-лица. Еще ниже сползла солома… Поручик Сычевой, он!..

– А вы не знаете, где его портсигар остался? – неожиданно для себя обратился я к адъютанту.

– Какой портсигар?

Но мне уже не хотелось разговаривать.

– Портсигар у него был… Серебряный.

– Нет, не знаю!

На губах у поручика Сычевого стыл пузырек кровавой пены. Один глаз, плоский и мутный, смотрел прямо на луну. Другой заплыл щекою. Лицо его было

распухшее, точно искусанное осами.

Я торопливо стянул второй сапог.

– Благодарю вас, господин адъютант!

– За что это?

Адъютант засмеялся.

Я взял сапоги под мышку и пошел к штабу.

Полковник Румель, командир 2-го офицерского полка, подозвал меня к себе.

– Вы пока остаетесь в офицерской роте. Для сегодняшнего дела в ней недостаток штыков.

И, запахнувшись буркой, он отошел в сторону.

На Богодухов со стороны Кириковки вновь наступали красные. Слева по линии железной дороги стояли роты какого-то не «цветного» полка, сформированного из пленных красноармейцев.

Наша офицерская рота, рассыпанная цепью у них в тылу, ловила дезертиров.

Меня поставили часовым возле штаба.

Таким образом мне не пришлось идти с офицерской цепью.

Вдали трещали пулеметы. Ухала артиллерия. Было темно. Лишь изредка над крышей вокзала появлялась луна и заливала синими лучами тугие и блестящие полосы рельсов.

…Прошел бронепоезд.

Я всю ночь простоял без смены. Когда стало светать, меня наконец отпустили в роту.

В саду, за сторожкой, в которой был расположен штаб полка, толпились солдаты комендантской команды. В открытую калитку сада входили, ведя пойманных дезертиров, взводы офицерской роты.

– Десятого, господин капитан, аль пятого? – услыхал я за собою.

Я быстро пошел к городу.

…Когда, немного отойдя, я вновь обернулся, на крайнем дереве сада уже раскачивались два дезертира.

Солнце как раз всходило. Дезертиры висели к нему спиной. Спины у них были красные.

Богодухов – Кореново

Сломив красных под Кириковкой, Дроздовский полк стал продвигаться вперед, почти не встречая сопротивления.

Полк был посажен на подводы. Район сахарных заводов обогатил наши обозы подводами сахарного песку. Весь день, сидя на подводах, офицеры и солдаты держали на коленях котелки и деревянными расколовшимися ложками усердно взбивали «гоголь-моголь».

Лишь прапорщик Морозов «гоголя-моголя» не сбивал.

– Бегать и клянчить… Ну-у, господа, не очень это…

– Да кто ж клянчит, голова вы садовая?

Не сбивал «гоголя-моголя» и вольноопределяющийся Ладин. Впрочем, его никто в роте не замечал.

2-й офицерский Дроздовский полк развернулся в Дроздовскую бригаду, состоящую из 2-го и 4-го полков. Я остался во 2-м полку, но перешел в 6-ю роту, команду над которой принял поручик Ауэ, старый доброволец. С нами в 6-ю перешли все офицеры и солдаты 4-го взвода 4-й роты кроме поручика Барабаша, который стал помощником капитана Иванова, а вскоре и сменил его. Капитана Иванова где-то, кажется, под Тростянцом убило.

Достигший популярности, произведенный в полковники, Туркул был назначен командиром нашего 2-го полка. Полковника Румеля я больше не видел. Уже зимой, когда в армии свирепствовал тиф, мне рассказывали, что полковник Румель – бывший командир Дроздовского полка – умер забытым в теплушке какого-то санитарного поезда и что крысы отъели обе его щеки.

* * *

…По дороге клубилась пыль. Вода во флягах быстро нагревалась. Мы терпели жажду от деревни до деревни. Впереди головной роты шла команда конных разведчиков. Подъезжая к деревням, команда рассыпалась в лаву, а полк, не слезая с подвод, останавливался.

– Послушайте, а где война? – шутил Нартов. – По-сюш’ьте, как говорят гвардейцы…

Смело мы в бой пойдем

За Русь любимую, –

запевал, покачиваясь на подводе, Свечников.

И, как один, умрем

За неделимую! –

подхватывали идущие с нами эскадроны какого-то гусарского полка.

Мы прошли станцию Смородино, Басы, с двух сторон быстрым налетом взяли Сумы и, на ходу развертываясь в Дроздовскую дивизию, продвигались к Белополью.

Поля были сжаты. На кустах курчавились листы. Лето уже кончалось…

– Пехотным полкам всегда не везет! – ворчал унтер-офицер Филатов, когда, гремя по камням, подводы въезжали в узкие улицы Белополья. – Весь день трясись на подводе, потом последним въезжай в город! Нет, разве не досадно? Проклятые конники позанимали лучшие квартиры!

Мы подъехали к одноэтажному домику с задранной с одной стороны крышей.

– Не изба – конура собачья!.. – Филатов досадливо махнул рукой. – Не жизнь, – с жизнью и примириться можно, – жистянка! – И, соскочив с подводы, он вскинул на плечи два вещевых мешка.

– Извольте видеть, своих вещей мало! Ладин еще осчастливил. Один – чудаком, другой – дураком. Черт!..

На дворе возле колодца толпились солдаты. Нартов, произведенный в ефрейторы, распоряжался:

– По очереди! Подходи по очереди!

Он держал перед собой деревянное ведро, обгрызанное с краев лошадиными зубами. Солдаты, не отрываясь, пили медленно, как лошади…

Над дверью хаты висела ржавая подкова. О ступени, крытые пестрым ковриком, терлась желтая собачонка. Собачонка скалила зубы.

– А ну, хозяйка, гостей встречай-ка! – крикнул Филатов, вместе со мною входя в избу.

Через пять минут 1-е отделение уже сидело за столом и пило парное молоко.

– Рожа у хозяйки – овечья, да ничего: душа зато – человечья! Еще, господин прапорщик?

Солдаты гоготали.

* * *

За окном проходил полк. За подводами низко по земле ползло облако пыли. Лес штыков, золотой от солнца, был част и ровен.

– Господин прапорщик, взгляните только, как четвертый батальон растянулся! – сказал Нартов, вытирая молоко с безусых, растрескавшихся под ветром губ. – Взгляните, мешки с сахаром, и еще – мешки.

– А что? На Украине ведь воюем! – Свечников тоже обернулся к окну. – А вот и апостол! – Он засмеялся. – Смотрите, непротивленца ведут.

За кухнями, на подводе с арестованными, без винтовки и в распоясанной шинели, сидел вольноопределяющийся Ладин. Он смотрел в небо, свесив ноги с подводы.

– Вещевой бы мешок ему снесть. Как-никак, ведь пятый день под арестом. Умыться, или что…

Солдаты взглянули на Филатова и, в ожидании очередной шутки, уже приготовились засмеяться. Но Филатов упрямо замолчал.

Стадо тихо. Лишь только один стакан звякал о горшок. Это Свечников опять уже наливал себе молоко.

* * *

Было утро… Я сидел на лавке и чинил распоровшийся подсумок. На улице, за открытым окном, гулял петух. Водил за собой трех кур с мохнатыми, как в штанах, лапами. Солдаты дразнили желтую собачонку. Она хватала их за ноги и злобно грызла сапоги.

– Олимпиада Ивановна, ну чего ж печалиться! – сказал я хозяйке, которая, охая и вздыхая, ходила по комнате. – Отнесете часы в починку, и дело с концом.

В первый же день нашей стоянки в Белополье мы с прапорщиком Морозовым узнали от Олимпиады Ивановны историю всей ее жизни. Радуясь новым людям, Олимпиада Ивановна рассказала нам и про своего мужа, расстрелянного каким-то проходившим через город атаманом, и про часы, подаренные мужу в день его 25-летней службы училищным сторожем, и даже про Наташку, девочку свояченицы, что помогала ей, теперь одинокой, по хозяйству.

– А знаешь, старуха на границе помешательства… Вот они – осколки быта, – сказал прапорщик Морозов после беседы с хозяйкой, уходя к себе во взвод. – Видел, как она часы покойника гладит? А сколько… черепков этих.

– Склеим, прапорщик.

– Не всё, брат, клеится, вот что!..

Когда я вернулся к себе в халупу, Олимпиада Ивановна была на кухне. Над открытым комодом в ее комнате стоял Свечников.

– Вы что это тут?

Свечников вздрогнул и быстро зажал в кулаке часы Никифора Степаныча.

– Добровольцев, сволочь, позорить! – и, схватив часы за цепочку, я рванул их. Цепочка порвалась, а часы, упав на пол, брызнули на коврик разбитыми стеклышками.

И вот уже второй день аккуратно собранные стеклышки лежали на комоде. Часы не шли…

* * *

…Желтая собачонка за окном жалобно повизгивала.

Кто-то дал ей сапогом под живот. Потом солдаты расступились, – очевидно, пропуская офицера.

– Олимпиада Ивановна, а есть у вас в городе часовщик? – вошел в комнату прапорщик Морозов.

– А как же, служивый! Есть, как же!.. Зелихман. На Торговой живет.

Прапорщик Морозов вынул бумажник.

Когда Олимпиада Ивановна побежала к Зелихману, мы подошли к окну.

– Выйдем, что ли?

– Эй, крупа! – кричали веселые кавалеристы, колоннами проезжая по улице. – Расступитесь! Конница идет!

– Мой ход. Мой! – горячился Свечников.

– Не зазнавайся! Валет, брат, что подпоручик, дамских боится ручек… Ход твой, да взятка моя.

Свечников проигрывал.

Прапорщик Морозов размазывал ногой жидкую грязь, нанесенную в комнату сапогами. «И откуда грязь? – думал я. – На дворе жара… земля растрескалась…»

– А дома ли тетка Лимпиада? – вдруг услыхал я чей-то тонкий, в гул солдатского смеха забежавший голосок.

На пороге стояла девочка. На ней было розовое, как весенняя черешня, платье. Коротенькая косичка не свисала вниз, а стояла на макушке, как опрокинутый вверх точкой восклицательный знак.

– Наташка! – догадался прапорщик Морозов и ласково улыбнулся.

– К Олимпиаде Ивановне, милая?

– К тетке.

– А ее нет!

Минутку девочка молчала.

– А у нас на дворе тоже солдаты!..

– Ну и сказала! По существу! – засмеялся Филатов, взглянув на нее из-за развернутых веером карт. – Из пулемета да бомбой! – ни в село ни в город, – ни в бровь ни в глаз!

– Только наши с лошадьми. Конные наши… Ну и крику!

– Кто ж, Наташка, кричит? Солдаты?

– Соловейчик кричит, портной. Солдаты его за бороду таскают. Давай, кричат, деньги, жидовская твоя харя!

Прапорщик Морозов встал.

– Я выйду!..

…Я долго глядел на грязные следы, оставленные им в комнате.

Нартов стоял под воротами, положив подбородок на ствол винтовки. Дневалил.

Я вышел на улицу. Ночь была тревожная. Сна не было.

На дворе, не раздеваясь, при патронташах и подсумках, спали солдаты. Роту каждую минуту могли поднять и бросить на позицию. Бой подкатился к самому Белополью. Было слышно, как трещат пулеметы. Отдельные ружейные выстрелы раздавались и в городе.

«И кто это стреляет?» – подумал я.

Нартов смотрел на восток. По другую сторону улицы бродил дневальный 1-го взвода. Тоже то и дело подымал голову. Всех дневальных, всех рот и эскадронов, у белых и у красных, из ночи в ночь мучат те же мысли: скоро ли утро?

Но звезды в небе еще не бледнели. Их золотые потоки скользили вдоль темного неба. Вдоль тишины над крышами скользил ветер…

Я уже входил в ворота нашего двора, когда услыхал вдруг тревожный оклик Нартова:

– Эй, Синюхаев, откуда?

Сквозь темноту улицы бежал длинный, тощий вольноопределяющийся 5-й роты.

– Красные под городом – вот что случилось!.. Да отвяжись! Связной я. Некогда.

И, вскинув под руку винтовку, Синюхаев побежал дальше.

– Синюхаев, эй, Синюхаев! – вновь закричал Нартов. – Да подожди ты! Эй! Что за пальба в городе?

Винтовка Синюхаева звякнула.

– Гусары – мать их в сердце! – отходят. Часовщика изловили. Кто? Да гусары! Схватили жида за шиворот и мордой в стекло оконное. Ну, бегу. Пальба? Ах, господи! Некогда! Да первый эскадрон по второму бьет. Каждому, черт дери, часики хочется!

– Эй! Что случилось? – подбежал дневальный 3-го взвода.

Но Синюхаев уже скрылся в темноте.

* * *

Светало… Прапорщик Морозов сидел во дворе своего взвода.

– Нет, говорят, отходить не будем, – сказал он, когда я передал ему разговор Нартова с Синюхаевым. – Туркул бросит в контратаку. Только что у меня поручик Ауэ был. Из штаба… – На минуту прапорщик Морозов замолчал. – Но я о другом… За Ладина побаиваюсь, – уже тише продолжал он. – В штабе кавардак, – где там теперь возиться!.. Поделом или нет – не нам судить… А жалко!

«И откуда это запоздалое толстовство!» – думал я, вспоминая, как неделю тому назад вольноопределяющийся Ладин, бросив винтовку на землю, отказался идти в разведку.

«Эх! Не поздоровится!..»

По дороге, взбрасывая копытами красную пыль, летел конный ординарец.

– Строиться! – крикнул он, и красная пыль за ним понеслась дальше.

Мозоль попала под складку портянки. Хорошо бы переобуться, да где там!

– Реже!

«В бой, – говорил постоянно поручик Ауэ, – рота должна идти, как на учение».

– Ре-же!.. Ать, два!..

– Мы с тобой не тужим, для веселья служим, – шутил, перегнувшись к соседу, унтер-офицер Филатов. – День в карты играем, день по врагу стреляем…

– Отставить разговоры!.. Ре-же! – И поручик Ауэ обернулся ко мне: – Прапорщик, подтяните!

Под моими глазами качалась сутулая спина рядового Бляхина, несколько дней тому назад переведенного к нам из комендантской команды.

«И в ногу ходить не умеет, – думал я, – и штыком болтает…»

– Прапорщик Морозов! – вновь закричал ротный. – Научите Бляхина носить винтовку. На одиночном…

– Ре-же!

Около штаба полка мы остановились.

* * *

Прапорщик Морозов, временно оставшийся за ротного, роты распускать не хотел. Послать к колодцу по одному штыку со взвода…

– За водой! Живо!

Я также пошел к колодцу – переобуться и омыть до крови растертую ногу.

Филатов и еще два солдата, с головы до ног обвешанные флягами, возились над ведром. Наполняя фляги, они топили их под булькающей водой. Но фляги легкими поплавками вновь всплывали кверху, ударяя солдат по пальцам. Филатов смеялся.

Бляхин, посланный от 1-го взвода, бродил немного поодаль, по огороду. Набивал огурцами карманы широких штанов.

– Гляньте-ка! – вдруг крикнул он, склонившись над грядкой. – Солдат тут лежит!

Подбородком в землю, под черным саваном мух, разжав брошенные в кровь ладони, у ног Бляхина лежал Ладин. Бляхин пытался заглянуть ему в лицо, гнал мух, толстой корой облепивших небритые щеки расстрелянного. Но мухи, сытые и тяжелые, не улетали. Только подымались и, вися в воздухе, лениво и сонно гудели. Филатов снял фуражку.

– Свой ведь, господи! – перекрестился…

– Свой, говоришь? – Бляхин медленно повернул к нам плоские, как медяки, глаза. – Жаль своего человека… Видно, долго человек мучился… А коль не допущать этого желательно, так не в грудь, говорю, – в ухо целить нужно… Боком и – раз! Гладко!..

Рота на дороге уже подравнивалась. И опять:

– Ре-же!..

На окраине города стоял серый, заплеванный грязью дом, навалившись на дорогу разнесенным крылечком. В пыли под окном лежали осколки стекла. Над выломанной дверью болталась полусодранная вывеска:

«Починка часов М.Л. Зелихмана»

– Прощайся с часами, Олимпиада Ивановна! Кончено! – сказал кому-то за мной вольноопределяющийся Нартов.

– Конники их по очереди носить будут. Во-и-ны!..

– Во-и-ны!..

– Отставить разговоры! – бросил из строя Свечников.

Нартов посмотрел на него и улыбнулся:

– У петуха – перья, у дурака – форс… Эх, ты-и!..

* * *

За пригорком прыгала ружейная пальба… Поручик Ауэ бродил по перрону. Скучал.

– В бой, так в бой!.. Нечего!..

Прапорщик Морозов крутил папиросу за папиросой. Скучал тоже… Я вышел с ним на вокзал, где, составив винтовки, расположилась 5-я рота.

– Забавно, ребята!.. – рассказывал Синюхаев собравшимся вокруг него солдатам. – Штаб она, понимаете, ищет… Какой тебе, старая, штаб?.. А она: главный!.. Да по делу какому? За часами я, служивые!.. Забавно! – Он засмеялся и, сняв малиновую дроздовскую фуражку, стал о колени стряхивать с нее пыль.

– Идемте, ребята! Сейчас старуха к батальонному пошла. У батальонного часы требовать хочет. Давай часы, и никаких гвоздей! К генералам, говорит, пойду! К главным.

– Что? Ну конечно, спятила!..

– И никто не знает, какие часы да откуда…

– Олимпиада Ивановна! – узнали мы, но подойти к ней не успели.

– В ружье!

Вдоль красных от вечернего солнца рельсов шли роты. Впереди рот вырастал бугорок. Две березки на нем обрисовывались все яснее и яснее…

– Ре-же! – командовал поручик Ауэ…

Разбив красных за Белопольем, дроздовцы пошли на северо-восток – к станции Кореново. Дроздовская бригада уже развернулась в Дроздовскую дивизию, причем 2-й офицерский полк был переименован в 1-й стрелковый имени генерала Дроздовского, а 4-й – во 2-й. Команду над вновь сформированным 3-м полком принял полковник Манштейн – «безрукий черт», в храбрости своей мало отличавшийся от Туркула. Он не отличался от него и жестокостью, о которой, впрочем, заговорили еще задолго до неудач. Так однажды зайдя с отрядом из нескольких человек в тыл красных под Ворожбой, сам, своею же единственной рукой, он отвинтил рельсы, остановив таким образом несколько отступающих красных эшелонов. Среди взятого в плен красного комсостава был и полковник

старой службы.

– Ах, ты, твою мать!.. Дослужился, твою мать!.. – повторял полковник Манштейн, ввинчивая ствол нагана в плотно сжатые зубы пленного. – Военспецом называешься! А ну, глотай!

* * *

Перейдя около Кореново линию железной дороги, 1-й Дроздовский полк вновь встретил упорное сопротивление красных, которые бросили в бой матросские части. В первый раз за время моей службы в полку дроздовцам пришлось окопаться.

…Всплыло утро. Над узкой, как Стоход, Снакостью клубился туман. Мы только что отбили третью за ночь атаку матросов. У меня вышел табак, и, пользуясь затишьем, я заполз в окопчик прапорщика Морозова.

– Что ты скажешь? – спросил я, слюнявя цигарку.

– Хорошо дерутся…

– Нет, я не о том!.. Я о Манштейне…

Но Морозов не успел ответить. К окопчику подползал рядовой 1-го взвода Степун.

– Господин прапорщик, прикурить разрешите?

Прапорщик Морозов протянул ему огонек.

– Разрешите, господин прапорщик, спросить?..

– Что, брат?

– Разрешите узнать, правда ли, что Козлов уже казаками занят?

– Да, взят… Генералом Мамонтовым.

Степун вздохнул.

– Что это ты? А?

– Моя деревня под Козловом будет…

– Ну?

– Да вот боюсь я, как бы не грабили они, – казаки-то наши…

Вдоль окопчиков полз Филатов. Раздавал патроны.

– Меньше, братва, стреляй. Бери в плен, Манштейну товар доставляй…

Туман за окопами редел.

* * *

Над Снакостью – перед окопами – туман рассеялся только в полдень.

Опять – густо, цепь за цепью, наступали матросы. Без перебежек, не ложась, шли они по открытой, плоской равнине. Нами был пристрелян каждый кустик, и ближе как на шестьсот шагов матросы подойти не могли. Но редела и наша окопавшаяся цепь.

Наблюдая за стрельбой своего взвода, я приподнялся из-за окопчика.

– Свечников, головы не прятать! – закричал я, заметив, что Свечников стреляет не целясь, уйдя с головою за бруствер и журавлем колодца выставив вверх винтовку.

– Свечников! Свечнико-ов!

Но Свечников еще глубже ушел под бруствер. «Ну, я его!» Я вскочил и пошел к его окопчику.

– Ложись, ложись! – закричал мне прапорщик Морозов.

Но было уже поздно. Меня подбросило и с новой силой ударило о землю. Кажется, я вскрикнул.

Минуту я пролежал тихо, следя, как из правой ноги густым потоком струилась боль. Портянка в сапоге намокала. «Надо встать. Добьет…» Но встать я не мог – раненая нога вновь тянула к земле.

– …А ну, здоровой подсобите… Так!.. Здоровой ногой!..

Нартов волочил меня в кустарник… За кустарником поднял и, обняв за плечи, повел на перевязочный пункт.

Над бузиной около дороги метались воробьи. Тощая собака в канаве трепала какой-то длинный окровавленный бинт. С заборов сползало солнце.

Я прыгал на одной ноге, правым плечом навалившись на левое Нартова.

* * *

– Не страшно, господин прапорщик! – сказал фельдшер, наскоро сделав мне перевязку. – Ранение междукостное… Ну, трогай! – Он положил мне под голову мой надвое распоротый сапог и махнул рукой, подзывая следующую, еще не нагруженную подводу. Наша тронулась.

– Прощай, Нартов! Спасибо!

Некоторое время Нартов шел рядом с нами.

– Ну, иди в бой… С богом!..

Подвода пошла быстрее. Раненые застонали.

* * *

…Кажется, мы уже подъезжали к вокзалу. Глаза мои были закрыты. Палило солнце.

– Да говорят, не налезай! Пошла вон! – отгонял кого-то возница.

– Мне про генерала, служивые, узнать бы… про главного…

Я открыл глаза.

За подводой, перегнувшись к нам, шла черная от загара и пыли Олимпиада Ивановна…

Эвакозаботы

Поезд шел, раскачиваясь…

В Сумах наши три санитарные теплушки включили в состав пассажирского.

– Негодяи! К самому хвосту, негодяи, прицепили! Ну и трясет! – ворчал раненный в плечо поручик Бронич. – И солому сменить ленятся… Эй, санитары!

– Господи! Бог ты мой!.. Го-спо-ди!.. – Молодой солдат-кавалерист, раненный в живот, шаркал по полу разжатыми ладонями. – Санитар, испить бы!.. Са-ни-тар!..

– Санитар, эй! – подхватил кто-то.

– Санитар!

– Сестра!

– Сволочи!..

В теплушке, кроме раненых, никого не было.

* * *

…Над крышей гремел ветер. Когда на каких-то маленьких станциях поезд останавливался, за черной щелью наших дверей гудели телеграфные провода. Но вот провода загудели с обеих сторон теплушки.

Мы приближались к Харькову.

В Харькове мы подъехали к пассажирскому вокзалу.

– Испить бы, о го-спо-ди, и-испить!..

– Вот подожди, разгружать будут.

Я подполз к тяжелой двери. Окровавленный и грязный солдат-марковец помог мне раздвинуть ее, и я выглянул на перрон.

Из соседних вагонов выходили пассажиры. Сейчас же за нашей дверью рыхлая, со всех сторон закругленная дама взасос целовала какую-то плоскую девицу в шляпке с васильками. Мимо них, потряхивая коробкой конфет, пробежал высокий седой мужчина в английском пальто нараспашку. Два толстяка в пенсне подзывали пальцами носильщика.

– Господа! Позовите врача. Господа, да послушайте!..

К теплушке никто не подошел.

– Э, вы там – с чемоданами! Тыловое сало!..

Наконец вагоны рвануло.

* * *

– Это же это же это же, черт черт знает, что такое!.. Мане-врируют!.. Ой, трясет!.. Доктор! Это же черт… ой, док-тор!..

Поручик Бронич схватился за ключицы, качнулся вперед, но вагоны опять рвануло, и он повалился спиной на солому. Солдат-марковец стоял на коленях. Тоже раскачиваясь, пытался держать перевязанную руку на весу.

– А для ча страдать и маяться? Для ча это, коль они по справедливости не поступают?.. – ворчал он глухо. – Буржуев, как водится, повыпускали, а на разгрузку опосля только, мать их в тринадцать гробов чертову дюжину!

– Го-спо-ди, испить бы!.. О, господи-и-и!

…Поезд разбивали. Наши теплушки подбрасывало и толкало.

– Ах, так! – вдруг не выдержал поручик Бронич. – Так?.. – И, выхватив наган, он стал стрелять в потолок теплушки – раз! раз! раз!

– Доктор-р-р!..

Когда на вокзале Харьков-Товарная нас наконец стали разгружать, солдат-кавалерист уже не просил пить. На носилки его не положили. Взвалили на плечи.

«Мертвый!..»

* * *

По разгрузке работали санитары-студенты. Нога моя ныла. Мне казалось – брезент носилок пропитан кровью, и я закрыл глаза.

– Да вы ли это? Какая встреча!..

С повязкой Красного Креста вокруг рукава надо мной стоял Девине. Я взглянул на него, удивленный:

– Вы?

– А как же! Работаю. Как же! – быстро заговорил он. – Искупаю, так сказать, вину перед родиной. А вас и не узнать, господи!.. Ваш дядя… Да я сейчас же…

– И вас не узнать! – перебил его я. – Толстеете? Ну, ничего, ничего… искупайте!.. Видно, впрок вам идет…

Желая казаться обиженным, Девине заморгал глазами.

Потом нас понесли.

Над освещенной фонарями площадью летали клочья грязных бумаг. Какой-то мальчишка свистел, засунув в рот два пальца.

Город жил своей жизнью.

В палате распределительного пункта пахло потом и гноем.

Я лежал на одной койке с поручиком Броничем. Свободных мест не было.

К вечеру привезли новых раненых, тоже дроздовцев, но 2-го полка, изрубленных шашками червонных казаков, прорвавшихся к нам в тыл под Суджей.

– Гнались за обозами, и – по головам, по головам!.. – рассказывал раненый писарь с мутными, как у плотвы, глазами. – Ну, господа офицеры, и время же, позвольте доложить вам! Чтоб писарей да рубили!..

Под утро запах гноя стал сильнее. Перебил даже запах йода. И опять мне казалось – гноем пропитаны и тюфяки, не покрытые простынями, и красные без наволок подушки, и грубые рубашки, без пуговиц и тесемок.

– С буржуев бы постричь следовало!.. – Солдат-марковец не имел даже своей койки, а потому ругался то в одном, то в другом углу палаты. – Чтоб так да страдать!.. Да задаром!..

– В операционную!.. В операционную несите!.. – кричал за дверью доктор. – Остолопы!.. Назад!.. Не четырех же зараз, остолопы!..

За окном палаты уже светало. В коридоре было еще темно. В дверях толпились растерявшиеся санитары. Электрическая лампочка за дверью перегорела.

– Сюда!.. Да людей несете, – не толкаться… – кричал из темноты доктор. – Ос-то-ло-пы!..

* * *

– Я, прапорщик, уже позвонила, – сказала мне под утро дежурная сестра. – 35–43?.. Верно?..

Но дядя пришел только ввечеру.

Лежа на спине, я рассказывал ему о последних боях. Когда же, удивленный его молчанием, повернул к нему голову, то увидел его наполовину съехавшим со стула, с головой, уроненной на белый, крахмальный воротник.

– Сестра!.. – закричал поручик Бронич. – Здесь человеку дурно!.. Сестра!..

Дядя не вынес запаха гноя…

Я дергал дядю за руку, ставшую вдруг мягкой и влажной.

– Да что это?.. Господи!.. Да встань, наконец!.. Да встаньте!..

– Ты!.. Опять – буржуи, буржуев!.. – кричал за моей спиной поручик Бронич. – Да я тебя, большевик, выучу! Встать, как полагается!..

Наконец подбежала сестра.

– …Замашки твои большевистские! – все еще кричал за мной поручик. – Твои… твои… Встать, матери твоей черти!

Сестра около нашей койки возилась над дядей, а в дверь палаты вносили все новых и новых раненых.

Дядя пришел вновь только через два дня. В палату войти он побоялся. Я взял костыли и вышел в коридор.

– Сейчас поедем, – объявил мне дядя. – Нечего ждать у моря погоды. Я уже переговорил с главным врачом. Ну и в хороший лазарет я тебя устроил. О, замечательный лазарет! Таких у нас раз-два и обчелся. Имени генерала Шкуро. Не слыхал? В Технологическом!..

– Не сердитесь и не осуждайте, – говорила через десять минут сестра, застегивая мне шинель. – Недостаток рук… Дисциплины никакой… Ну, прощайте. А костыли верните… Нет у нас лишних… Пришлете?.. Ну, хорошо… До свиданья…

Держась одной рукой за перила, другой опираясь на костыль, я медленно сходил с лестницы. Дядя шел рядом. Гордо держал в руке мой второй костыль. В подъезде стояла молодая, хорошенькая сестра. Возле нее – человек шесть санитаров-студентов…

Лазарет имени генерала Шкуро

Прошло недели три… За окном офицерской палаты лазарета имени генерала Шкуро зеленел сад Технологического института. Когда по саду скользило солнце, с койки моей было видно, сколько желтых и буро-коричневых листьев нагнала уже на деревья осень.

Офицеров Добровольческой армии в палате почти не было. Преобладали казаки, донцы и кубанцы.

Тяжелораненые весь день стонали и мычали. Поправляющиеся играли в карты. День уходил за днем, и мне казалось – им не будет конца…

* * *

– Господа офицеры! Господа! – засуетилась однажды утром сестра нашей палаты, Кудельцова. – Господа, сейчас наша патронесса придет… Ах, поручик, смахните с одеяла крошки!.. Пятно, говорите?.. Просочилось?.. Есаул, голубчик, поверните подушку… Я после…

По палате, почему-то быстро оглядывая стены, пробежал главный врач. Санитары метались, держа в руках еще не опорожненные «утки». Под образами, в заднем углу палаты, старшая сестра торопливо выдавала чистые полотенца.

– Идет! Идет!..

Сестра Кудельцова оправила косынку и, вытянувшись, встала около дверей.

…Дама-патронесса медленно обходила койки. Над каждой останавливалась и, поднимая к лицу лорнет, дарила раненых ласковыми улыбками. За ней следовал высокий, белый юноша в штатском. По указанию патронессы он раздавал табак и папиросы. Когда патронесса подошла ко мне и, оттопырив мизинец, потянулась за лорнетом, – я поднял одеяло и натянул его через голову.

Мне ни табаку, ни папирос патронесса не оставила.

«Да здравствует самостийная Кубань!» – следующей ночью написал кто-то на белой стене палаты.

…На стене играло утреннее солнце. Сестры с градусниками в руках бродили между койками. Надписи долго никто не замечал.

– Я, господа, давно уже напирал… И в Ставке твердил, и везде… – не торопясь, густым басом, гудел больной ревматизмом полковник, первым заметивший надпись. – Наш ОСВАГ ни к черту, господа, не годен!.. Чтоб среди офицеров… Да в офицерской палате…

Он сидел на койке и отхлебывал только что принесенный чай.

– Да знаете ли вы, что у большевиков, в смысле, так сказать, единой идеологии…

Его перебил главный врач. Он вбежал в палату, размахивая в воздухе стетоскопом.

– Господа, взят Курск! Ура славным марковцам!..

Кто мог, вскочил с коек. Другие присели.

А сестра Кудельцова, намочив полотенце, уже стирала со стены последнее слово надписи: «Кубань…»

Прошло несколько дней. Приказом по армии генерал Деникин переименовал всех прапорщиков в подпоручики.

Старые подпоручики были недовольны:

– Ну а мы?..

Вечером того же дня прапорщики, произведенные в подпоручики, пили коньяк «три звездочки»: «авансом на новое производство» – и смеялись в коридорах до полуночи.

* * *

И опять прошло несколько дней. Вечерело…

– Да, – рассказывал мой сосед слева, есаул 18-го Донского Георгиевского полка, подсевшему к нему юнкеру Рынову, моему соседу справа. – Было это так – черт порви его ноздри… «Расстрелять!» – приказал командир полка. Взял я тогда этого матроса: «Шалишь – я тебя по всем правилам!»… Ну хорошо!.. А он – ни глазом не моргнет. Стоит перед отделением, и хоть в кальсонах одних да в рубахе, черт порви его ноздри, а гордый, что твой генерал… «По матросу, –

скомандовал я тогда, – пальба отделением, от-де-ле-ние…» Выждал… Думаю, дам ему время Бога припомнить. А матрос – ни глазом. Прямо фланговому на мушку глядит и улыбается, сука. Поднял я руку, хотел уже «пли!» скомандовать, а тот как рванет на себе рубаху! Смотрю, а на груди у него орел татуированный. Двуглавый, с державой, со скипетром… «От-ставить! – скомандовал я. – К но-ге!» Пошли, черт порви его… Привел я матроса в штаб… порви его ноздри!.. Так и так, говорю, господин полковник. Приказания вашего не исполнил. Не могу заставить казаков целить в двуглавого орла. «Правильно!» Полковник наш старой службы вояка. «Таких, говорит, не расстреливают. Руку!..» Руку мне пожал… Да…

Есаул замолчал.

– Позвольте, господин есаул, а что с матросом стало? У нас он остался?

– Убег, черт порви его ноздри! – Есаул сплюнул. – В ту же ночь… Вот!.. А вы говорите: гу-ма – гу-ма-ни… или как там еще… Эх, юнкер!

* * *

Среди пяти сестер офицерской палаты сестра Кудельцова была самой ласковой.

– Ну и девчонка, поручик, скажу я вам! – бросил мне как-то вечером есаул, провожая сестру Кудельцову глазами. – С такой бы, знаете, ночку провести! А?

Юнкер Рынов злыми глазами посмотрел на есаула, повернулся и лег на другой бок к нам спиною.

…Зажглись голубые ночные лампочки. Вечерние – желтые – уже потухли. К окну склонилась луна. Ее лучи, сплетаясь с голубым светом лампочек, ползли между койками, цепляясь за края серых одеял. Под койкой юнкера Рынова они отыскали брошенную на пол гармонь-двухрядку и, упершись, остановились.

– Санитар! Утку! – просил кто-то. Я встал, взял костыли и вышел.

Когда я вернулся, раненые в палате возбужденно разговаривали.

– Поручик! Нами взят Орел! – объявил мне есаул. – Теперь – Тула, Москва – и кончено. Создать бы только твердую, как на фронте, власть.

Я молчал.

– Что ж вы молчите, черт порви ваши ноздри! Поручик?

Я лег на койку, не спрашивая есаула, как понимает он слова «твердая власть».

Ночью я не мог уснуть. Опять болела нога, почему-то гораздо ниже ранения. Ступня тяжелела. Мне казалось, она камнем лежит на тюфяке. Стиснув губы, я упрямо смотрел на голубой потолок. Молчал.

Сестра Кудельцова, в ту ночь дежурная, бесшумно обходила палату.

– Что, юнкер, не спится? – остановилась она над койкой моего соседа.

– Не спится, сестрица. Мысли мешают. И все о вас и о вас… Вы, может быть, присядете? Я вам свои новые стихи почитаю…

«Час от часу не легче! – подумал я. – Гуманист, гармонист, поэт… – еще кто?»

Боль в пальцах понемногу сдавала.

– «Чаша страданий испита, – минуты через две вполголоса читал уже юнкер. – Хоть бы любовь испить!..»

Только в огне ведь можно так беззаветно любить.

Милая! Свет мой тихий! Дай мне руку твою!

Буду о ней я помнить в каждом новом бою!

Я повернулся на бок и, чтобы не слышать стихов юнкера, ушел с головою под одеяло. Уснул. Но под одеялом было душно. Нога опять заболела, и вскоре я вновь открыл глаза.

Никогда не буду так молиться, –

все еще нараспев читал сестре юнкер, –

Как пред жарким боем за тебя…

Может, вам когда-нибудь приснится,

Как страдал я, родину любя…

Вы с крестом, а я с мечом разящим.

Мы идем, чтоб именем любви

Встретить день и с солнцем восходящим

Новый храм воздвигнуть на крови…

Кажется, я застонал.

– Что, больно, поручик? – И сестра Кудельцова быстро поднялась с койки юнкера и склонилась надо мной.

– Теперь уже легче, сестра, – сказал я, поворачиваясь. Юнкер больше не читал.

Много месяцев спустя, уже при Врангеле, после боя с конницей Жлобы, вспомнил я еще раз стихи юнкера.

Было это в середине июня. Степь дымила желтой пылью.

Молодой хорунжий с шашкою в руке расправлялся с кучкою пленных. Когда наша подвода подъехала ближе, я узнал в нем бывшего юнкера Рынова.

– Храмовоздвижник! – крикнул ему я. Не знаю, узнал ли меня юнкер Рынов. Желтая от солнца пыль, бегущая за нашей подводой, скрыла от меня и его и пленных…

Тыл

Листья уже слетели с деревьев и испуганно метались вдоль заборов Харькова. Я перешел на амбулаторное лечение, жил у дяди, два раза в неделю посещая лазарет, где ноге моей делали массаж и горячие ванны. В квартире дяди кроме меня жил и его бывший компаньон Меркас, старый еврей, купец из-под Бердянска.

– Вульф Аронович, что вы это на старости лет местожительство сменили? – спросил я его как-то.

– Я вам скажу… – Меркас отложил в сторону недочитанный номер «Южного края». – В такие времена, как мы сейчас переживаем, каждый честный еврей должен быть там, где у него меньше друзей и знакомых.

– Это почему?

– Я вам скажу… Потому что у каждого честного еврея есть друзья. А эти самые друзья могут перестать быть друзьями… – потому что – жизнь есть жизнь, господин офицер.

– Вы говорите загадками, Вульф Аронович.

– Я говорю загадками? Не дай боже, мои загадки разрешит вам сама жизнь, господин офицер…

– …Льгов, Севск, Дмитриев, Дмитровск… – идут вперед, дядя…

– Дмитровск, Дмитриев, Севск… Севск… Севск… Черт! Вот бои, должно быть!..

– Оставьте газеты. И вам не наскучит? – почти каждый вечер приходил к нам сын соседа, молодой ротмистр Длинноверхов, не знаю какими бесконечными командировками примазавшийся к Харькову. – Газетные известия – всегда только контррельеф фронта. Поняли? Ей-богу, не понимаю, что тут интересного: приводить всю эту чужую брехню к единому знаменателю и решать потом алгебраические задачи. Ну – победа, ну – поражение… вот вам и оба возможных ответа. Не все ли равно?

– Ротмистр!

– Знаю, что не корнет. Потому и говорю так, поручик. Прежде всего, заметьте, – это спокойные нервы. Восторг же и тревога для них равно вредны. Поняли? Пойдемте-ка лучше в город.

В городе лужи были уже скованы льдом. Падал мелкий снег, сухой и колкий.

– Романтизм может быть создан. Его и создали. Но я, поручик, человек с железным затылком! – уже на Сумской говорил мне ротмистр. – Нужно глубоко в карманы опустить руки, научиться свистеть сквозь зубы и проходить сквозь все события. Не оборачиваясь. Поняли? Одним словом, нужно иметь железный затылок. А у вас затылок гут-та-пер-че-вый. И это от романтизма, поручик. Романтизм, как известно, ослабляет организм. Говорю рифмованно, чтоб лучше запомнили. Зайдем, что ли?

Мы зашли в какой-то подвал, освещенный лиловыми огнями. Стены подвала были разрисованы острыми треугольниками. Окна задрапированы. Глухой гул многих голосов встретил нас и поплыл над нами, качаясь.

Мы отыскали свободное место и заказали ужин. За круглым столиком около нас пировали три офицера-шкуринца и молодой чернобровый юнкер. Когда мы вошли, они только что оборвали какую-то песню. С ними сидела декольтированная женщина, с густыми рыжими волосами, перехваченными вокруг лба широкой черной лентой. Женщина была пьяна и, выше колена освободив из-под юбки ногу, водила носком лакированной туфли направо и налево. Офицеры-шкуринцы тяжело ворочали головой, пытаясь поймать глазами кончик ее туфли.

– Ножку!.. Ножку, моя Мэри!.. Выше, божественная! – в пьяном пафосе кричал один из офицеров, пытаясь схватить Мэри за подвязку. Но Мэри спокойно отстранила его руку и гордо откинула рыжую голову, огненную под лиловою лампою.

– Выше? Голоса выше, господа офицеры!

– «Черная лента, черная лента», – пьяными голосами гаркнули шкуринцы.

– Выше!..

– «Ты нам даришь любовь!»

Да-вайте деньги, да-вайте деньги,

А не то мы пу-стим кровь!..

– Выше!!! – и носок лакированной туфли метнулся вверх, ударив по губе одного из офицеров.

– Ротмистр, идемте, – сказал я и привстал, опираясь на палку. Но ротмистр взял меня за локоть.

– Руки в карманы, поручик, и наблюдать! Сие наше занятие называется тренировкой.

Рыжеволосая Мэри, облокотившись на столик, смотрела на шкуринцев прищуренными глазами. Вдруг, опустив за декольте руку, достала золотой нательный крестик.

– Ротмистр, идемте!

Но ротмистр меня вновь усадил.

– …награда и память обо мне, – говорила, играя крестиком, Мэри. – Тому, кто из вас окажется самым сильным и выносливым… – И, засмеявшись, она оправила черную ленту и встала. – По алфавиту… Вы, юнкер Балабанов, идете первым.

Юнкер медленно поднялся, звякнул шашкой о сапоги и, допив стакан, пошел вслед за Мэри к каким-то завешанным красной портьерой, дверям.

…На улице мигали бледные фонари.

Было около полудня. Я шел из лазарета. Опять выпал снег. По притоптанным панелям ходить было скользко, но домой мне еще не хотелось. Опираясь на

палку, я долго бродил по улицам, вышел наконец на Пушкинскую и пошел к лютеранской кирке, наблюдая, как веселой гурьбой бегали школьники, бросая друг в друга пригоршни рыхлого снега.

– А! Здравия желаю!

Я быстро обернулся.

Передо мной, в длинной кавалерийской шинели николаевского сукна, с погонами штаб-ротмистра, при шпорах и шашке, стоял Девине. Приветливо улыбаясь прищуренными мягкими глазами, он протянул мне руку.

– Поручик!.. А!.. Поправились? – Девине был навеселе. – Поручик!.. Гора с горой… Вспрыснем за ваше выздоровление… А?

– Подождите! – Я быстро оттянул руку. – Подождите, сэр! Прежде всего скажите, когда и кем вы произведены?.. Из санитаров да сразу в штаб-ротмистры?

– Ах господи! – Девине засмеялся. – Да разве так встречают старых друзей?! Так сказать, семья дружных офицеров… э-э-э… возрожденная в традициях Корнилова и Алексеева…

– Слушайте! Я не контрразведчик и не полицейский. Я просто офицер-фронтовик. А потому, если вы немедленно же не оставите меня в покое…

В пьяных, женственных глазах Девине скользнула стальная, уже не пьяная злоба. Он вздернул плечи, круто повернулся и быстро пошел на другую сторону Пушкинской.

Какая-то девочка, пробегая мимо меня, нагнулась.

– Вы это обронили? Да? – и, подняв с панели желтую лайковую перчатку, протянула ее.

– Нет, не я…

Девине – через улицу – подозвал извозчика и уже садился в сани.

Синагоги на Пушкинской улице и в Подольском переулке были переполнены молящимися. Пришло известие о погроме, учиненном войсками генерала Бредова, оперирующими под Киевом. В синагогах читали «кадеш».

Меркаса мы не видели целыми днями. Потом трое суток он постился.

– Вы, господин офицер, понимаете, что это значит?.. Вы понимаете? – десять тысяч евреев! А за что? Разве можно себе это только представить?..

– Вульф Аронович, да вы свалитесь с ног!

– Вульф Аронович, да поешьте!..

Но Вульф Аронович уходил в свою комнату.

– Я уверен, что он там у себя закусывает, – сказал нам как-то дядя, встал из-за стола и тоже пошел в комнату Вульфа Ароновича.

Вульф Аронович не закусывал. Он рыдал, вытирая слезы длинной седой бородой.

…Четыре дня бушевала над Харьковом вьюга. На пятый снег лег на улицы. Стихло.

Я вышел из дома, боясь прихода ротмистра Длинноверхова.

Придет… Будет учить… Еврейские погромы как материал… Тыловое затишье, и фронт – как отдушина… Да ну его!..

Подняв узкие угловатые плечи, мимо меня прошли два еврея. Их обогнала нарядная дама. Под фонарем она замедлила шаг и, обернувшись, улыбнулась мне накрашенными губами.

«Уеду на фронт! Хорошо – уеду… Ну а дальше?… – Я остановился под соседним фонарем. – А дальше?..»

Улицы тянулись за улицами. Вдоль улиц тянулись фонари.

Когда я подходил к подъезду какого-то богатого дома на Сумской, к нему, замедляя ход, подъезжал автомобиль. Сквозь окно автомобиля я увидел черно-красную корниловскую фуражку, повернутый ко мне толстый затылок и под ним генеральские погоны. Я подтянулся и, когда генерал повернулся ко мне в профиль, отдал честь. Рука генерала медленно поднялась к фуражке, но до козырька не дошла; генерал дважды клюнул носом и как-то странно, точно потеряв равновесие, качнулся вперед. Очевидно, он был пьян. Это был генерал Май-Маевский, командующий Добровольческой армией.

«Ну а теперь?»…

Был уже поздний вечер, когда я добрел до конца Екатеринославской.

Над присевшим под Холодной Горой вокзалом качалось тихое зарево фонарей. Перед вокзалом, на площади, синел снег. Одинокий, разбитый фонарь в конце площади боролся с темнотой набегающей ночи. Хотел светить, но ветер его задувал.

– Ать, два! Левой! Ать, два! Левой!

Я обернулся. Через площадь шла рота какой-то тыловой части. Солдаты шли, размахивая руками, как при учении. Ветер раздувал полы их английских шинелей. Под тяжелыми, кованными железом сапогами скрипел снег.

– Ать, два! Левой!

А с другого конца площади, к вокзалу, оттуда, где ветер успел задуть уже три фонаря подряд, молча, без команд и песен, шли сборные роты недавно переформированных полков 140-й дивизии. 140-я пехотная дивизия по численности не более стрелкового трехбатальонного полка после недавнего поражения вновь выступала на фронт.

На солдатах болтались истрепанные старые шинели. Ноги были обмотаны мешками из-под картофеля. Снег под сапогами не скрипел. Очевидно, подметок на сапогах не было…

– Ать, два! Ать, два! Левой! Левой!..

Рота, идущая с вокзала, выходила на освещенную Екатеринославскую. На углу Екатеринославской стояла женщина. Женщина плакала.

Я тихо побрел домой.

* * *

Ротмистр Длинноверхов пришел ко мне только на следующий вечер. Он был во вновь сшитых широких галифе.

– У этих карманы еще глубже! Руки здесь по локти войдут. Как видите, поручик, я прогрессирую.

Мне ротмистр уже успел порядком надоесть, и я ничего ему не ответил.

– На Сумской есть так называемый «Дом артиста». Слыхали, конечно?.. – опять обратился ко мне ротмистр. – Ну вот… идемте туда. Там подчас можно натолкнуться на весьма любопытные экземпляры. Богатейший, скажу я вам, материал для изучения новых индивидуумов. Продукт последних неудач фронта. И как еще интересно! Вчера, к примеру, я видел там молодого корнета… Впрочем, я расскажу вам по дороге. Идемте.

Но идти я отказался.

– Довольно, ротмистр! Мне противен ваш тыл и ваши наблюдения. Я уезжаю на фронт, а потому…

– Что потому? – улыбнулся ротмистр.

– Потому… Потому… – Я запутался, не зная, что ответить. – Потому… – довольно! – сердито кончил я.

Ротмистр сел в качалку. Небрежно вытянул ноги и глубоко в карманы засунул руки.

– Если б я, поручик, давно уже не разучился драть смехом глотку, – медленно, играя каждым словом, вновь обратился он ко мне, – я бы – поняли? – я бы не встал вот с этой качалки. Я бы умер со смеха над вашей глупостью. Поняли, юноша?..

…«Подожди-ка! – припоминал я, идя на следующее утро по Мироносицкой улице. – Теплые перчатки куплены… Шарф – есть… Носки?.. Да! Нужно купить шерстяные носки!..»

Хриплый гудок автомобиля рванулся в тишину улицы. Со стороны Мироносицкой площади шел грузовик, нагруженный английским обмундированием. Высоко на сложенных шинелях сидели два краснолицых солдата-англичанина. Третий лежал. Кажется, курил трубку. Синий дымок клубился над его фуражкой.

Но вот грузовик поравнялся со мной. Лежащий на шинелях солдат приподнялся и встал, чтоб вытряхнуть пепел из трубки, и я увидел на его фуражке русскую офицерскую кокарду. На узких погонах блестели звездочки. Увидев меня, офицер быстро отвернулся.

Это был Девине.

Через три дня я отъезжал на фронт. Дядя жаловался на простуду, а потому выйти на мороз побоялся. Не вышел и Вульф Аронович.

Было холодно, дул резкий ветер, и я спешил войти в вагон.

– Прощайте! – сказал я ротмистру Длинноверхову, единственному, вышедшему меня проводить.

– Прощайте, мой милый чудак!..

Когда поезд тронулся, я перегнулся над перилами площадки.

Публика на перроне махала платками и муфтами.

Какая-то девица в шубке с беличьим воротником долго бежала по платформе, ухватившись одной рукой за мерзлое окно вагона.

Только ротмистр, подняв под самую папаху крутые барские плечи, размеренным, спокойным шагом шел уже к выходу.

«Обернется или нет?» – гадал я, пытаясь не упустить его из виду.

Ротмистр не обернулся.

– Действительно, у него железный затылок! – вслух произнес я, вздохнул и вошел в вагон.

За окном бежали последние строения засыпанного снегом Харькова…

Холода

– Выходите, господин поручик! Дальше мы не поедем!

Молодой вольноопределяющийся бронепоезда «Россия» натянул рукавицы и глубоко, по уши надвинул папаху.

– Что, разве уже Льгов?

– Льгов сдан, господин поручик. Еще вчера.

Холодный ветер ударил по лицу и на минуту смял мое дыхание.

– А что за станция? – спросил я, пытаясь встать спиной к ветру.

– А черт ее разберет!..

Я поднял голову, но надпись станции была занесена снегом.

* * *

– А, здорово!.. Идите, идите сюда!..

В дверях телеграфного помещения стоял поручик Ауэ, наш ротный.

– Я говорил… – ротный пошел мне навстречу. – Я же говорил, кто-кто – а вы вернетесь. Потому – немец: долг и прочее… «Deutschland fiber alles!»[1 - «Германия превыше всего!» (нем.)]… – И, засмеявшись, он крепко пожал мне руку. – Ну, идемте… Представляться Туркулу не стоит… Запекут еще в офицерскую!.. Эй, Ефим!..

В телеграфной было накурено. Портреты генералов Маркова и Алексеева, повешенные на стене «осважниками», казались отпечатанными на голубой бумаге.

– Вот, капитан, взводный второго взвода, – представил меня ротный своему новому помощнику, сухому, черному штабс-капитану, с усами, длинными как вожжи.

– Штабс-капитан Карнаоппулло, – приподнялся тот, потом вновь сел, достал из кармана карамель и стал сосать ее, разглаживая усы двумя пальцами.

Поручик Ауэ собрал со стола игральные карты.

– Ефим, чаю! Да шевелись же, холуй соннорылый! Барбос!..

В чай Ефим подлил рому.

– Льгов сдан, – рассказывал ротный, подняв из-под козырька бело-малиновой фуражки холодные, энергичные глаза. – Ничего не поделаешь… Ни-че-го!..

Он задумался и долго грыз мундштук пожелтевшей папиросы.

– Кстати, вы в тылу ничего не слыхали? Нет?.. Говорят, Буденный занял Касторную и бьет всей нашей армии в глубокий тыл – на Валуйки и Харьков. Не слыхали?.. Чем же объяснить наш отход без настоящего, черт дери, поражения?.. Эх, поручик, поручик! Что это, донцы подкачали? Или Махно силы

точит?.. – И вдруг, выплюнув разжеванный мундштук, он ударил по столу кулаком. – Черт! А очередные задачи?.. Знаете, что у нас теперь за очередные задачи? Не растерять отступающих полков. Только!.. Связи – никакой. Корниловцы? Марковцы?.. Какого черта корниловцы и марковцы, когда мы не знаем даже, где наши второй и третий полки!.. Как вы нашли нас, поручик?

Я стал рассказывать о Ворожбе, дальше которой пассажирские поезда уже не ходили, о блуждании с бронепоездом, об этапных комендантах, ничего другого не делающих, кроме как ругающихся с начальниками станции, с которыми в лихорадочной спешке составляли они наряды для отступающих с барахлом поездов.

– Так!.. Бар-босы!.. – Поручик Ауэ хмурил брови. Оба его шрама на лбу сошлись вместе и висели над переносицей глубоким крестом. – Та-ак!..

Штабс-капитан Карнаоппулло сосал уже третью карамель. Из засахарившихся бумажек складывал лодочки, осторожно разглаживая их ногтем большого пальца.

Ветер за окном рвал с крыш снежные сугробы.

– Ишь, метет!.. – Ротный встал и обернулся к окну. – Метет – а солнце!.. Ах, так? Вы спросили, где наша рота?.. Рядом она, в деревне… Отогреться же нужно, как вы думаете?.. Да?..

Мягкость и злоба, насмешки и какая-то теплая грусть постоянно, безо всяких причин, сменялись в ротном. В тот день эти переходы были особенно резки.

– Рота блины печет, – что еще барбосам нужно?.. Жрут сейчас… А мне вот?.. Сиди здесь, жди распоряжений Туркула. Жди, черт тебя выдери! А телеграф, мать его с полки, не стучит и стучать не хочет!..

Ротный опустился на скамейку и, приподняв одну ногу, пропустил руки под колено.

– Эх, поручик, поручик!.. Хочется, да не можется!.. Телеграфу?.. Да нет же, нам, конечно!.. Куда?.. Да что это с вами, поручик?.. Мозги подморозили?.. На Льгов!

На Севск! На Брянск!.. Довольно? Нет?.. На Москву, черт бы драл ее с комиссарами! Эх, поручик, поручик!

Он вновь понизил голос.

– Бьют! Кроют!.. Не нас, не дроздов – всю армию кроют!.. Вот теперь, – и, склонившись надо мной, он продолжал почти шепотом: – Вот теперь, когда нас никто не слышит (Карнаоппулло не в счет!), я скажу вам в первый и в последний раз: бьют!.. Кроют!.. А после… (впрочем, вы, поручик, меня знаете), после никто э-то-го сказать не по-сме-ет! Слышите? Не по-сме-ет!..

Горячий чай острым клубком царапал горло. Папироса прыгала между пальцами. На синем замерзшем окне прошли чьи-то тени. Неровный ряд штыков, сломанных, как казалось мне сквозь лед окна, качнулся и вновь сполз за стену.

– Господин поручик! – вошел Ефим. – Господин подпоручик Кисляк изволили уже появиться. Второй взвод на платформах.

– Пусть подождет. Иди!

Закуривая новую папироску, поручик Ауэ опять склонился ко мне…

* * *

… – Итак, поняли?.. Вы сейчас же примете ваш взвод. Кисляка мы отправим назад в офицерскую… Примете взвод и сейчас же пойдете… Впрочем, нет!.. Возьмете две площадки бронепоезда и поедете на две с половиной станции к северу… Так?

Я кивнул.

– До третьей, впрочем, вы и сами не доедете… Отлично! Значит, слушайте, я разъясню вам вашу задачу… Сегодня под утро…

Минут через пятнадцать, приняв от подпоручика Кисляка свой старый взвод, я погрузил его на две площадки бронепоезда «Россия» и поехал на северо-восток.

Оставляя Льгов, 2-й батальон 1-го Дроздовского полка заметил на пересечении железнодорожных путей Льгов – Суджа и Курск – Кореново – Ворожба какой-то занесенный снегом поезд. Спеша занять более благоприятные позиции, батальон отошел верст на двадцать южнее Сейма и к поезду не подошел, выслав к нему лишь разведку, одно отделение, под командой подпоручика Морозова.

И вот прошло уже полдня, а подпоручик Морозов все еще не возвращался.

Я был послан на поиски его. А если нужно – ему на поддержку.

* * *

…На открытых площадках бронепоезда кружился ветер. Свечников, до самого носа закутанный в какие-то пестрые тряпки, не мог держать винтовки. Руки ему не подчинялись.

– Ты! Э-эй! Сосколь-зне-ет!.. – крикнул Нартов и, подняв упавшую винтовку Свечникова, поставил ее между ногами.

– По-слу-шай!..

На штыках, разбиваясь, звенел ветер.

– По-слу-ша-а-ай! – снова закричал я Нартову. – А где Фи-ла-тов?..

– У-у-убит!.. – хлестнуло меня по вискам. – Под Се-е…

И вновь набежавший ветер отсек и далеко в степь отбросил конец его ответа.

Бронепоезд уже выходил в открытое поле.

…Высоко над головами размахивая поднятыми винтовками и погружаясь на каждом шагу в сугробы, мы медленно шли к занесенному снегом поезду.

Нартов шел рядом со мной.

– Вот, господин поручик, на лыжах бы!..

За левым флангом нашей цепи садилось красное солнце. Бронепоезд в тылу у нас все ниже опускался за сугробы. Лишь поднятая вверх четырехдюймовка его второй платформы, точно указывая дорогу, все еще торчала за нами. Поезд впереди нас все ясней выступал из снега. Около вагонов кто-то бродил.

– Цепь, стой!..

– Кажется, наши… – сказал Нартов.

Это было действительно наше 2-е отделение.

– Осторожней!.. Здесь яма. За сугроб лезайте!.. Левее!.. Еще левей!..

Ведя нас к засыпанным снегом вагонам, подпоручик Морозов разъяснил мне создавшуюся обстановку.

Взорванный железнодорожный мост на пути Льгов – Суджа упал и засыпал проходящий под ним путь Курск – Кореново – Ворожба, на котором и застрял санитарный поезд, очевидно, пытавшийся спастись от красных, занявших, по сведению одного из раненых, станцию Клейнмихелево и вышедших, таким образом, в тыл корниловцам, только что отошедшим от Курска.

– Ну хорошо, подпоручик, я понимаю… Ну а ты чего?.. Ты-то чего задержался?..

– А что делать прикажешь?.. – Подпоручик Морозов остановился. – Раненых бросить?.. Персонал и те, что могли ходить, разбежались. Сто пятьдесят уже замерзло. Шестнадцать последних ждут очереди. А ты говоришь…

– Зачем же бросать! Но ведь можно было бы послать связного. Мог бы наконец потребовать… ну, средства для перевозки, что ли…

Ноги вязли в сугробах. За голенища ссыпался снег. По затылку хлестал ветер.

– …осело, расползлось и едет теперь по всем швам… Понимаешь? При таком положении за ранеными никого не посылают. Понимаешь? – говорил подпоручик Морозов, пытаясь за ушки сапога вытянуть застрявшую в сугробе ногу. – За мной, за боеспособным отделением, – другое дело… Видишь, я же не ошибся… А за ними… – он уже подошел к крайней теплушке санитарного поезда и открыл дверь: – А за ними вот – никогда!..

Друг подле друга, прикрытые соломой и шинелями, уже снятыми с замерзших, белые, с бурыми и сине-лиловыми пятнами на щеках, лежали на полу теплушки раненые корниловцы.

* * *

– Господин подпоручик, и это вы их всех сюда перетаскали? – почему-то шепотом спросил подпоручика Морозова Нартов.

В темном углу теплушки стоял какой-то молодой, коренастый солдат, с рыжими и густыми, как щетка, бровями.

– Нет. Он это… – кивнул на него головой подпоручик Морозов. – Единственный санитар, оставшийся при поезде. Он же и отапливал. Два дня… Костылями, носилками…

Рыжий санитар дышал в кулаки и под самым носом тер их друг о друга.

– Здорово! – подошел к нему я. – Ну что же ты?.. Здорово!

– Здрасьте! – вдруг быстро ответил тот, не по-солдатски кивнув головою.

– Здрасьте, здрасьте! – улыбнулся я. – Как звать тебя, молодец?

Санитар подумал и, не торопясь, поправил фуражку без кокарды.

– Ленц моя фамилия будет. Иохан Ленц.

– Немец?

– Та-а! Семля немного под Саратов есть. Из колонистов будем. Та-а, Ленц, Иохан.

Я опять улыбнулся:

– Молодец, Ленц! – и хлопнул его по плечу: – Спасибо за службу. Что – санитар?

– Wo-o… В золдат зачислен.

– А какого полка?.. Куришь?..

– Мы первого Катериноштатский немецкого имени Карл Либкнехт, курим.

– Ах ты, милая голова! – засмеялся Нартов. – Первый Катериноштадтский курить изволит! Ах ты, Либкнехт ты!..

– Смотри-ка, везде люди! – сказал за нами кто-то.

– Пленный ведь, а сколько людей спас! О Господи!..

* * *

…С дверей срывались сосульки. Стены теплушек были пробиты инеем. Бежал сквозняк…

– …Нет, подпоручик Морозов, бросьте меня водить по этому леднику!..

– …Подпоручик Морозов! Бросьте!..

…Во всех теплушках, уткнувшись головами под шинели, лежали замерзшие корниловцы, безрукие и безногие.

– Подпоручик Морозов! Ехать нужно!.. Уже поздно, Николай Васильевич…

Подпоручик Морозов меня не слушал. Мне стало страшно.

– Николай Васильевич!

Мне показалось, подпоручик Морозов сходит с ума.

– Нартов!.. Эй, Нартов!..

Над крышами поезда грузно бежал ветер… Подошел Нартов, и вскоре бронепоезд «Россия» медленно подходил ко взорванному мосту.

* * *

– На насыпь осторожней! Эй, вы там!.. Не так, – головой вперед… Вот… Так вот… Правильно!.. А ну, который это?

– Одиннадцатый, господин поручик!

Было уже темно. На рельсах синими блестками плескалась луна. Над рельсами, играя с ослабевшим ветром, бежал снег.

– Двенадцатый?.. А Свечников где?.. Где Руденко?

– Эй, Свечников!.. Руден-ко!..

…тринадцатый, четырнадцатый…

Пятнадцатый раненый тяжело хрипел…

– Осторожнее! Не растрясывай! Нартов, да поддержи же!

Когда уже и шестнадцатого раненого подняли на площадку, появились наконец Руденко и Свечников. Они волочили два тяжелых мешка.

– Что это? – удивленно спросил я.

– Магги… Ну и запасов там!.. Надо б вернуться, господин поручик.

Я взглянул на часы.

– Залезай, шакалы!..

Мы поднимались на площадку, ерзая животами о промерзлую броню.

* * *

На площадке невозможно было ни присесть, ни встать на колени. Раненые заняли слишком много места. Мы стояли глухой стеной, обхватив друг друга за пояса.

Черная снежная равнина быстро и круто скользила из-под поезда. Мне казалось, она срывается вниз и горбатой, бешеной волной бьет под колеса.

– Держись! Эй! Крепче!..

Высоко поднятая за нами четырехдюймовка чертила над горизонтом какие-то широкие круги и полукруги. И вдруг:

– Стой!.. Эй, стой!..

– Стой!..

За криком – вверх – взвился ветер и сразу же сорвался, сбитый внезапным выстрелом в небо.

Черная волна над насыпью рванулась кверху, вздулась и вдруг остановилась, гулко ударившись о броню.

Подпоручик Морозов соскочил с площадки и по шпалам побежал в темноту. За ним побежал Нартов.

– Упал? Кто? Кто упал?..

Но никто ничего ответить не мог.

Было лишь слышно, как на площадке перед нами стонали раненые и как дышал в темноте тяжелый и усталый паровоз.

Наконец Морозов и Нартов вернулись.

– Упал Руденко… Насмерть!..

…И опять побежала вдоль насыпи крутая, черная волна.

* * *

На станции нас встретил поручик Ауэ.

– В чем же дело, черт вас дери? Подпоручик Морозов!.. Подпоручик Морозов, в чем дело?..

– Прикажите разгрузить… – указал на переднюю площадку подпоручик Морозов.

Когда раненых разгрузили, четверо из них мутными уже глазами смотрели в темноту.

Бои в кольце

В деревне Гусяты, где был расквартирован наш батальон, было уже совсем темно.

– Не стоит раздеваться, поручик, – сказал мне подпоручик Петин, командир пулеметного взвода нашей роты. – Ложитесь так. Сейчас набегут красные. Они всегда теперь ночью…

Седоусый хохол-хозяин снимал на лавке валенки. Я сел рядом с ним и стал натягивать снятые было сапоги.

– Хорошо дома-то сидеть, а? – спросил хохла подпоручик Петин. – Спать ляжешь… А нам каково?

– Сыдилы б дома, панычу. Никто б ни ниволил.

За стеной мычала корова.

Ночью мы вскочили.

За деревней металась быстрая ружейная пальба. Точно ударяясь друг о друга, над крышей разрывались гулкие снаряды.

– Строиться!

Мы бросились к дверям, хватая спросонья чужие винтовки.

А седоусый хохол сидел на лавке и, глядя на нас, почесывал поясницу.

* * *

…Ночной ветер путался в голых ветвях.

Прикрывающая отступление 5-я рота медленно обходила деревню. Наша, 6-я, вышла на ее юго-западную окраину и стояла под стеной какого-то пустого строения, с содранной крышей. 7-я и 8-я были уже далеко за деревней.

Мимо нас проходили последние силуэты отставших от рот солдат.

Вот, подпрыгивая и качаясь на снежных крутых ухабах, прогремела походная кухня, и вновь вдоль опустевшей дороги побежал лишь низкий одинокий ветер, точно испуганный приближением боя.

Прошло еще полчаса.

– Кого мы ждем, поручик?

– Красных. Если удастся, мы ударим в тыл. А вы, – ротный обернулся к подпоручику Петину, – вы подогрейте с фланга… Эй, не курить!

На дорогу, кивая передками саней, выехал небольшой обоз. Чья-то рука, поднятая с последних саней, качаясь в воздухе, то сжимала, то разжимала пальцы.

На фоне темного неба эти черные пальцы казались большими и бесформенными. Две сестры в желтых овчинных полушубках и в папахах поверх косынок бежали, спотыкаясь, за санями.

Над нами опять прогудело несколько снарядов. Шагах в пятистах они разорвались, брызнув в небо золотым и острым огнем.

– Барбосы! По обозам!..

Прошло еще полчаса…

* * *

– Пропустить обе цепи! По дозорам не бить!

Поручик Ауэ расправил плечи, вышел на дорогу и поднял роту движением руки:

– В цепь!.. Господа офицеры…

Мне казалось, ротный не командует, а беседует с кем-то, спокойно и тихо.

Мы рассыпались в цепь, одним флангом упираясь в деревню, входя другим в темную ночную степь – к югу.

Цепи 8-й роты и наступающих на нее красных шли с севера.

Минут через десять мы открыли частый огонь…

– Справа, по порядку… рассчитайсь!

– Первый.

– Второй.

– Третий.

…Утро медленно сползало с неба. Пленные красноармейцы, понуро опустив головы, стояли неровной, длинной шеренгой.

– Возьми-ка в руку.

– Да, здорово!

Под подкладкой папахи подпоручика Морозова я нащупал пулю.

– Тридцатый.

– Тридцать первый.

– А ну поживей! – полковник Петерс, наш батальонный, торопил пленных.

– Сорок седьмой.

– Со-рок восьмой.

– Сорок восемь, господин полковник! – крикнул с левого фланга поручик Ауэ.

Я раскуривал отсыревшую папиросу. Ругался…

– Мы мобилизованные… Приказано было, ну и стреляли, – добродушно рассказывал возле меня стоящий на фланге пленный, молодой красноармеец, с широким крестьянским лицом. – После, как патроны вышли, сдались, конечно…

– Так!.. – Поручик Ауэ уже тоже подошел к пленному. – Ну а если б не вышли, сдались бы?

– Если б не вышли, и не сдавались бы… Зачем сдаваться-то?

– Хороший солдат будет! – сказал ротный. – А ну, подождите…

Через минуту он вновь вернулся.

– Этого, подпоручик Морозов, возьмете в первый взвод. Хороший будет солдат!..

Над шеренгой пленных бежал дымок. Пленные курили. Но вот из-за строения с содранной крышей показались всадники. К пленным подъезжал полковник Туркул.

– Идем! – сказал мне подпоручик Морозов. – Сейчас расправа начнется…

Под ногами коня Туркула прыгал и кружился бульдог. С его выгнутой наружу губы болталась застывшая слюна. Бульдог хрипло дышал.

– Ах, сук-к-кины!.. – пробежал мимо нас штабс-капитан Карнаоппулло. – Ах, сук-к-кины, как стреляли!.. Сейчас мы… Сейчас вот!.. Эй, ребята, кто со мной?..

За штабс-капитаном побежал Свечников.

* * *

Мы шли к ротному обозу – за винтовкой пленному красноармейцу.

– Как звать тебя, земляк? – спросил его подпоручик Морозов.

– Горшков, – ответил тот, как-то густо и с ударением произнося букву «о».

– Ярославский?

– Ярославский, так точно! – И, взглянув на нас, красноармеец чему-то радостно улыбнулся.

А за спиной уже раздались первые выстрелы. Бульдог радостно залаял, и вслед за ним кто-то загоготал, тоже как бульдог, коротко и радостно.

Красноармеец обернулся и вдруг, остановившись, поднял на нас задрожавшие под ресницами глаза.

– Товарищи!.. Пошто злобитесь?.. Товарищи!..

Выстрелы за нами гулко подпрыгивали.

– Холодно!.. – не отвечая Горшкову, тихо сказал мне подпоручик Морозов. Зубы его стучали.

А в лицо нам светило солнце, ветер давно уже стих, и было тепло, как весною.

Деревни, степь… и опять степь, степь, деревни…

– Ничего! Скоро вечер… Отдохнем.

– Ты, черт жженый! Это вечером-то?..

– Не робей!.. Говорят, ребята уже и за санями посланы… Поедем скоро.

– Полагалось бы!.. Не ровен час, окружат нас красные…

Перед ротами гнали пленных. Было их уже не сорок восемь – всего двадцать девять.

Почти раздетые, без сапог, они шли, высоко подымая замерзшие ноги, то и дело озираясь на штабс-капитана Карнаоппулло и Свечникова, идущих с ними рядом.

…Деревни… Степь… И опять степь, степь, деревни…

От боев мы уклонялись. Очевидно, боялись отстать от общего фронта.

Однажды под утро, когда сон сбивал шаг и, раскачиваясь на плечевых ремнях, звенели штык о штык винтовки, с юга, оттуда, где шли наши дозоры, вновь хлестнуло вдруг низким огнем звонкой шрапнели, и сразу, со всех четырех снежных сторон, обхватила нас частая и сухая ружейная пальба.

– Пулеметы! Пулеметы!.. – кричал полковник Петерс, верхом на кривоногой крестьянской лошаденке врезаясь в роты. – Пулеметчики, вперед!..

– Рас-ступись!..

– В цепь!

– Да сторонись!..

Артиллеристы, повернув орудия, быстро окапывали батарею. За батареей метался обоз.

– Батарея, – огонь!..

– Цепь! – кричал штабс-капитан Карнаоппулло, выбегая на дорогу.

– Трубка ноль пять.

– Цепь.

– Ноль пять, огонь!..

– Це-епь!

– В цепь, вашу мать! – И, отстранив растерявшегося штабс-капитана, поручик Ауэ осадил напирающих обозников. Вышедшая из скрута смешавшейся походной колонны 6-я рота сбежала в поле, рассыпалась и уже спокойно двинулась вперед.

…Ухали орудия, уже сплошным, густым гулом покрывая ружейную и пулеметную пальбу. Батальон шел треугольником, рассекая огнем черную ночь…

К утру мы пробились.

* * *

– Шибко палили!.. Как ваши давеча!.. – сказал мне Горшков, идя со мною к 1-му взводу.

…Подпоручик Морозов стоял над санями, в которых, сжимая пальцами поросший бородой подбородок, лежал рядовой Степун. Раненный осколком в грудь, Степун умирал.

– Не совладел… – хрипел он, пытаясь приподняться. – Не уберег… Жизни не… не… не уберег…

Он смотрел на нас округлившимися, немигающими глазами.

Пальцы на подбородке у него расползались.

– Отходит! – тихо сказал Горшков и, сняв фуражку, перекрестился.

– Ннна-а-а-а-а… – вновь задергал Степун губами. – На-вов-во-вовсе-теперь… от-т-т-т… – Сквозь приоткрытый рот Слепуна было видно, как прыгает его язык. – Т-т-т-т… от дети-шшш-ш-ш…

И, зашипев, он захлебнулся красной пеной и, выгнувшись вверх всем телом, бросил руки по швам…

* * *

– Я давно уже… Черт!.. От детишек, – помнишь?.. – Подошел ко мне через час подпоручик Морозов, когда уже на пустые сани Нартов набрасывал свежую солому. – И у меня ведь… – Он замолчал, вздохнув, и добавил, уже тише: – Ведь и жена моя тоже… носит… Уже на седьмом теперь.

– Господин поручик!.. Господин поручик!..

Меня звали к ротному.

* * *

– …Ты что? Скулить?.. – размахивая ножнами шашки, кричал на Ефима поручик Ауэ. – Я тебя, барбос, в крючок согну! А в роту, а в снег по брюхо, а в бой хочешь?..

Вытянувшись, Ефим стоял перед ротным и тупо моргал глазами.

– Извольте полюбоваться, – обратился ротный ко мне, когда нетерпеливым кашлем я дал наконец знать о своем приходе. – Взгляните на это рыло!.. Взгляните только!.. И оно… – Поручик Ауэ захохотал. – …Оно – это вот рыло – веру в ар-ми-ю и в победу потеряло!.. – И, обернувшись к нам спиной, он бросил шашку на уставленный деревенскими закусками стол и быстро налил стакан водки.

– На! Подвинти-ка нервы, барбос!..

Ефим взял стакан, поднял его и уже приложил к губам.

– Стой! – закричал вдруг штабс-капитан Карнаоппулло, одиноко сидящий в углу халупы. – Стой! За чье, дурак, здоровье?..

– За ваше, господа офицеры.

– То-то!..

* * *

– И знаете из-за чего весь разговор завязался? – криво улыбаясь, спросил меня ротный, когда, уже за дверью, Ефим облегченно вздохнул. – Май-Маевский сдал командование генералу Врангелю. Ну вот… А этот… холуй этот, понимаете: «Кому ни сдавай, – говорит, – все равно – кончено!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Германия превыше всего!» (нем.)

Купить: https://tellnovel.com/venus_georgiy/zyabliki-v-latah

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити